

Прочитайте текст и выполните задания (11 баллов)

Юрий Осипович Коваль (1938–1995)

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Поздним вечером ранней весной я шел по дороге.

«Поздним вечером ранней весной», – складно сказано, да больно уж красиво...

А дело, правда, было поздним вечером ранней весной.

Весна была ранняя, соловьи еще не прилетели, а вечер – поздний.

Так что ж было-то поздним вечером ранней весной?

А ничего особенного не было. Я шел по дороге.

А вокруг меня – и на дороге, и на поле, в каждом овраге – светился месяц.

Иногда я наступал на него – и месяц расплывался вокруг моей ноги. Я вынимал ногу из лужи – на сапоге блестели следы месяца.

Капли месяца, как очень жидкое и какое-то северное масло, стекали с моего сапога.

Так и шел я по дороге, по которой ходил и ясным днем, и тусклым утром, и – так уж получилось – поздним вечером ранней весной.

1. С помощью каких приёмов Ю.Коваль создал образ месяца?

2. Напишите о том, что с вами случилось поздним вечером ранней весной (в 10-15 предложениях). Укажите жанр своего произведения.

Пожалуйста, пишите грамотно, это добавит вам баллы.

Часть II

Анализ текста (50 баллов).

Василий Семенович Гроссман (1905-1964)

ОСЕННЯЯ БУРЯ

В ноябре Гагры стояли тихими, безлюдными, но они были полны света, осеннего тепла, а в маленьких садиках, в тесноте некрупных деревьев, вызревали оранжевые центнеры мандаринов и апельсинов.

Мне отвели комнату на втором этаже, в санаторном корпусе, расположенном над самым береговым обрывом, укрепленным каменными глыбами и бетоном.

Двадцать первого ноября я лег в постель как обычно, в одиннадцать часов, немного почитал и уснул.

Ночью я проснулся: кто-то грубо тряс балконную дверь. Словно опасаясь хищного существа, я потушил свет и подошел к балконной двери.

Из тьмы на одном уровне с балконом неясно возникали огромные светлоголовые волны, и казалось, одно лишь оконное стекло отделяло меня от ревущей воды. При каждом ударе волны дом дрожал, а затем слышался новый, непривычный всплеск, – очевидно, шумела вода, поднятая штормом выше прибрежной стены.

Я вышел в полутемный пустой коридор, потом вернулся в комнату, снова подошел к балконной двери. Мне стало страшно – теперь волны поднимались выше балкона, море шло на сушу.

И вдруг меня взяло зло. Я лег, накрылся одеялом и не стал думать о волне, которая ворвется в комнату и утащит меня, козьяку, в ночное ноябрьское море. Я лежал с закрытыми глазами, думал о своей жизни; вдруг дом пошатывало, вдруг трещала балконная дверь. Мне уже не было страшно в почти пустом доме, дрожащем на обрыве, рядом с этим недобрый вселенским гулом; иногда по стеклу резко била тяжелая ладонь, иногда пронзительно звонко лупила галька.

Я испытывал странный душевный подъем, точно я, забившийся под одеяло человек, как-то тайно связан с морем, а не чужд и враждебен ему. Сила огромной волны не унижала меня, не обращала меня в ничтожество. Козьяки петушилась, и, когда внезапно зазвенело разбитое стекло и полтонны быстрой, мускулистой воды влетело в комнату, грохнуло по стене и потолку, обдало постель, я побежал босыми ногами по воде, крикнул: «Ах, вот ты как!»

- и, вместо того чтобы бежать из комнаты, достал бритву и, стоя спиной к морю, начал бриться.

Из соседних комнат уборщицы и рабочие вытаскивали столы, диваны, помогали немногочисленным жильцам перебраться в главный корпус, расположенный вдали от моря.

Перебрался в главный корпус и я.

Утром все мы вернулись к морю. Оно тянуло к себе.

Сад залило беспокойной водой. Огромные банановые листья, юкковые шапки, сбитые волнами ветви мушмулы, лавра и магнолий колыхались в воде. Высокая многолетняя пальма была сломана волной, и ее большую и прекрасную зеленую голову унесла вода.

Погода была особенной в этот день. Тяжело, низко стояла над морем черная туча, вспыхивали молнии. Ноябрьский воздух был необычайно теплым. При каждом набеге волны ощущался влажный жар, шедший из моря.

Люди невольно отступали, когда волна, склонив чугунную голову, неслась по финишной прямой к берегу, заслоняя своим огромным телом не только море, но и все небо. Над морем вспыхивали молнии, а в горах шел снег. На плавной крутизне горных склонов, среди рыжей, красной и зеленой листвы сияла новорожденная зима.

Волна, пригибая и подминая вздрагивающую землю, взбегала на берег... Море в этот день было сильнее земли. В дыму вдруг выросли обтесанные водяные стены, и тут же тысячетонные обломки воды летели вкривь и вкось, рушились на землю. Вода стала черной от подхваченного ею несметного миллиона гальки и груд песка. И из этой полукаменной, тяжелой и черной воды рождались ворохи белых летучих брызг.

Вода была теплее воздуха, и парное тепло от разгоряченных водяных туш усиливало ощущение одухотворенности природы – море казалось живым.

От пушечных ударов дрожала набережная, высокие эвкалипты, дома. Казалось, и горы дрожали. Да, это была самая тяжелая артиллерия, артиллерия резерва главного командования. Но не того командования, которое осуществляют земные маршалы и генералиссимусы.

Это был гнев грозного и милосердного главного командования, чья ставка и штаб артиллерии были скрыты за нависшими тучами.

Истопники и уборщицы, подавальщицы из столовой, вытаскивая из затопленного водой дома ковры, кресла, свернутые в узлы портьеры, свертки постельного белья, то и дело оглядывались на море и говорили:

– Красиво как, как красиво...

Праздничный подъем и оживление испытывали оглушенные грохотом люди, с лицами, мокрыми от водяной пыли... Какое-то странное желание томило душу, и хотелось, чтобы еще сильнее дрожала земля от морских ударов.

Люди словно участвовали в гневном море; сила моря не принижала человека, а делала счастливым, наполняла его торжеством.